

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

КАРЛ И КЛАРА

Как-то я вернулся из школы и застал дома незнакомую женщину. Рядом стояла мама и гладила её короткий седой ёжик: «Клара! Кларочка, родная! Что они с тобой сделали!» Тётя Клара! Неужели – тётя Клара? Я помнил её молодой статной женщиной с тяжёлым узлом чуть вьющихся медных волос. Исчезла она, когда я был во втором классе. В моём присутствии имя тёти Клары не произносили. Однажды я случайно слышал, как папа сказал: «Лёнька – уже взрослый парень. Он должен знать, что с Кларой». Но мама тоном, не допускающим возражений, отрезала: «Рано. Когда начнёт заполнять анкеты, тогда всё и расскажем!» Но я и так о многом догадывался.

И вот теперь тётя Клара вернулась. Наверное около месяца она пробежала по всяким инстанциям, а потом как-то за обедом решительно сказала: «Завтра иду в зоопарк. Попытаюсь вернуть Карлушу». Карл был большим красивым попугаем, которого тётя Клара привезла с войны. Появился он у неё году в сорок четвёртом. Тётя Клара забрала полумёртвого попугая у солдат госпитального взвода, которые нашли его голодного в оставленном немцами блиндаже. Солдаты кормили заморскую птицу заокеанской тушёнкой, от которой непривычный к свинине попугай начал болеть. Может быть, в нём текла еврейская кровь? Во всяком случае, нос у него был явно семитский. Хорошо, что догадались снести его к госпитальному терапевту – нашей Кларе.

Я впервые увидел Карла щеголеватым красавцем в ярко-зелёном фраке. Он сидел в огромной латунной клетке и тщательно чистил свои блестящие пёрышки.

Как-то на майские праздники у тёти собрались несколько коллег. Один из подвыпивших гостей просунул в клетку ложку с водкой. Карл, которого прежний хозяин-офицер, вероятно, приучал к спиртному, быстро и как-то боком подошёл к ложке и начал пить. Гости были довольны и, конечно, захотели повторить угощение, но тётя категорически запретила. И вдруг всегда молчавший попугай закричал: «Хайль Гитлер! Хайль Гитлер! Зиг хайль!» Бедная тётя Клара! Она вынесла клетку в чулан, но и оттуда на всю квартиру разносился хриплый крик пьяного попугая: «Зиг хайль!»

А через пару дней за тётей пришли. На допросе следователь обвинил её ... в сионистской пропаганде. Наверное, время было такое – шла борьба с космополитизмом. Единственно, в чём тёте Кларе удалось убедить следователя, так это в том, что попугай без корма и воды сдохнет, и поэтому ценную птицу надо сдать в зоопарк.

И вот теперь тётя собралась забирать Карла. Не знаю, что она говорила, какие доводы приводила, но вскоре к нашему дому подъехала «Победа», и сам директор зоопарка занёс в комнату ту самую латунную клетку, в которой сидел виновник тётиных бед – красавец Карл.

Много лет прошло с той поры. Давно нет на свете моих родителей. Мы с женой и детьми живём в Германии. Конечно же, с нами приехала старенькая

тётя со своим любимцем. Получили они квартиру в сеньёренхаузе. Фрак Карла со временем потускнел, но он по-прежнему бодр. Тётя Клара шутит, что Карл возвратился на родину как поздний переселенец и её с собой прихватил.

Жизнью в Германии тётя Клара довольна, она активист местной еврейской общины. Недавно прочитала лекцию по истории сионизма. Так что прав был следователь КГБ.

ЙОСЯ

В чем я перед тобой провинился, Йося? Почему из множества лиц, живущих в моей памяти, так часто всплывает твое лицо? Может быть, я виноват перед тобой в том, что родился здоровым, создал семью, жил нормально, то есть как все?

Не могу точно сказать, когда я увидел Йосю впервые. Было это давно, году в сорок седьмом или сорок восьмом. Чем он поразил меня, десятилетнего пацана? Может быть, своими глазами? Большие, как на старинной иконе, они таили в себе невысказанное страдание. Такое глубокое, что даже мы, мальчишки, народ быстрый и жестокий, поняли: Йосю обижать нельзя. И хотя в те послевоенные годы было ему, наверное, лет двадцать, казалось, что он остановился в развитии в шестилетнем возрасте.

В то время мы все одевались очень бедно, но его пронзительная бедность как-то особенно бросалась в глаза. И в то же время он был одет чисто и аккуратно, даже подчеркнута аккуратно: ветхая рубашка была латана-перелатана, но зато заплатки подобраны по цвету, а все пуговицы, пусть и разнокалиберные, пришиты. Зимой на нем было пальтецо, из которого он давно вырос. В морозные дни Йося всегда прятал руки в карманах, но так как рукава были коротки, то между ними и карманами виднелась полоска багровой от холода кожи. И летом, и зимой он был обут в легкие парусиновые туфли. Но больше всего поражала нас его культурная речь. Мы, мальчишки, говорили на харьковском суржике, густо приперченном матерком, а уж таких интеллигентных слов, как «разрешите», «извините», не знали вовсе. А Йося знал и употреблял.

Был Йося человеком общительным и болезненно многословным. Занимая длиннющую очередь в хлебный магазин, подробно рассказывал окружающим, что за хлебом его послала мама, которая предупредила, чтобы он не брал довески. Когда подходила Йосина очередь, то и продавщице он пересказывал мамины наставления.

В то время по нашей улице еще ходил трамвай. Трамвайные пути постоянно ремонтировали, и занимались этим бригады, состоящие из молодых женщин, сбежавших в город из голодных колхозов. Йося подолгу смотрел на то, как женщины таскали рельсы, и обращался к одной из них: «Девушка, выходите, пожалуйста, за меня замуж! У меня мама старенькая, она мне говорит, что скоро умрет, а я один жить никак не смогу. Выходите, пожалуйста! Я Вас обижать никогда не буду, я буду Вас жалеть».

Девушки беззлобно отшучивались.

Каждое лето на нашей улице во множестве появлялись лотки, с которых торговали овощами и фруктами. У нашего дома тоже устанавливали такой лоток. Там орудовала разбитная пережженная пергидролем блондинка Муся. Яблоки, гири, деньги – всё так и мелькало в ее руках, и это сопровождалось таким веселым хамством, что обалдевший покупатель просто не успевал заметить, как его объегоривали. В тот раз Муся торговала белым наливом. Аромат этих замечательных яблок был таким густым, что проходивший мимо Йося невольно остановился у Мусино лотка. Он стоял десять минут, полчаса, час. Муся его не замечала. Наконец, когда у нее оставался какой-нибудь десяток яблок, Муся вдруг вспомнила

о Йосе: «Ты чего не покупаешь? Мама денег не дала?» Йося кивнул. «Возьми яблоко, а то весь слюной изойдешь!» — «Мне, Муся, одного мало, мне и для мамы нужно». — «Так бери два! Чудо заморское...»

Лет пятнадцать я не был на нашей улице. Мы переехали в новую часть города и Йосю встречать не доводилось. Однажды летом я по какой-то причине оказался в своем старом районе. Около моего дома, как и прежде, змеилась очередь, торговали ставшим к тому времени редким белым наливом. На лотке стояла та же Муся, она заметно постарела и потолстела. Вблизи переминался с ноги на ногу Йося. Он тоже постарел и как-то подался: некогда яркие глаза его потускнели, был он небрит и неухожен, подошвы парусиновых туфель примотаны проволокой. Муся заметила Йосю и хрипло закричала: «Ты чего стоишь? Чего смотришь? Бери яблоки!» Йося взял одно и, как всегда вежливо, поблагодарил. «А для мамы чего не берешь?» — «Мне, Муся, не нужно для мамы. Нет моей мамочки».

Йося! Что связывает нас с тобой, Йося? Почему я не могу тебя забыть?

СКАМЕЙКА

Только мы успели занести в квартиру наши баулы, как в дверь позвонили. «Вот и первый гость!» — сказал я жене и пошёл открывать. На пороге стоял коренастый мужчина в бейсболке. «Ну с приездом, земляки! Слышу в доме русскую речь, дай, думаю, посмотрю, кто такие?» Я пригласил гостя зайти. Он осмотрел нашу пустую квартиру, а затем представился: «Меня Иоганном зовут. Иоганн Бош. А по-русски — дядя Ваня». Он крепко пожал мне руку своей корявой лапой. «У меня в подвале хорошие стулья припасены, — сообщил дядя Ваня. — Только обивку сменишь, а так сто лет простоят». Затаскивая в квартиру стулья, я узнал, что дядя Ваня — шахтёр из Караганды. «Угадай, сколько мне лет?» — лукаво улыбаясь, спросил он. «Лет шестьдесят пять», — сбавил я пару годков. «Не гадай, не угадаешь. Ровно семьдесят пять!»

На следующее утро опять раздался звонок. На этот раз нашим гостем был Михаил Маркович — тоже, как оказалось, сосед по дому. Кисть левой руки у него отсутствовала, но и покалеченной рукой он крепко прижимал к себе тяжёлое зеркало в красивой деревянной раме. «Это наш с Сонечкой подарок к новоселью. Она очень просила прийти к нам сегодня на обед. Такую фаршированную рыбу вы никогда не ели».

Так мы познакомились с нашими русскими соседями.

Часов в десять утра, если позволяла погода, дядя Ваня и Михаил Маркович выходили на улицу и усаживались на самодельную скамейку как раз под нашими окнами. Иногда к ним присоединялся ещё один сосед — коренной немец Франц. Он был в плену и здоровался со мной обычно так: «Guten Morgen! Ё... твою мать! — и радовался, — ещё помню по-русски!»

Летом окна у нас обычно открыты, и до меня доносились разговоры этих трёх пожилых людей. Франц говорил на хойдойч, дядя Ваня — на каком-то необычном голландско-немецком диалекте, а Михаил Маркович — на идиш. Им было что вспомнить: Михаил Маркович потерял руку под Минском, а Франц там же попал в плен. В плену он работал на шахте в Караганде, а на соседней шахте вкалывал ещё совсем юный Иоганн Бош. Иногда к ним подходил наш хаузмастер и просил убрать скамейку, которая, по его мнению, портила газон. Но дело кончалось тем, что кто-то из моих соседей выносил ему банку пива и хаузмастер на пару недель исчезал.

Однажды я встретил дядю Ваню, и он мне сообщил, что ночью у Франца случился тяжёлый инфаркт. Ещё через пару месяцев слёг Михаил Маркович. Заплаканная Сонечка назвала диагноз — тот, которого каждый из нас опасается

больше всего. Скамейка опустела. Иногда на ней одиноко сидел дядя Ваня. А вчера вечером он зашёл к нам прощаться: «Трудно нам с Марией одним, да и дети к себе зовут. Так что будь...»

Сегодня утром хаузмастер разобрал скамейку, но ямки от ножек на газоне пока видны.

ПОД ЗНАМЕНОМ РАБИНОВИЧА

Здесь, в Германии, Якову Григорьевичу стали сниться сны, да такие гадкие, что не дай бог: то Владимир Ильич на броневике – скорчит мерзкую физиономию, вытянет руку вперед и кричит: «Ку-ку! Ку-ку!» То Сталин провожает Троцкого в Мексику и томно ему шепчет: «Ну мы с вами целоваться не будем, дорогой Лев Давидович, а то Вы меня своей бородкой так возбуждаете, так возбуждаете...». В общем, хоть спать не ложись!

А недавно Яков Григорьевич был на экскурсии в Трире. Давно он мечтал туда съездить: древний город посмотреть, родине Карла Маркса поклониться – все-таки столько лет за его счет жил. Встал Яков Григорьевич рано, дорога туда и обратно длинная. Устал как собака, вымотался, дома заснул как камушек. А ровно через час, хоть часы проверь, – опять сон приснился: будто пригласили его в дом старого трирского раввина Якоба Маркса на юбилей. На столе шука мозельская фаршированная, цимес всякий, а вокруг стола мешпуха раввинова собралась: дети с семьями, внуки и внучки. Все нарядно одетые, на лицах значимость момента отражается. Во главе стола сам раввин Маркс расположился, а рядом – его любимый внучок Карлуша на детском стуле. Когда наполнили рюмки старым мозельским, реб Маркс обратился к собравшимся: «Дорогие мои! Время бежит, годы берут своё – мне уже семьдесят, и я решил уйти на покой. По этому поводу меня принял сам обер-бургомистр и от имени города вручил почетную медаль». Старик открыл нарядный футляр и вытащил блестящий кругляш на цепочке. Карлуша сразу же обвил ручонками дедову шею и повесил на нее медаль. «Но главное в другом, любезные мои, – вытер слезу умиления дедушка Якоб. – Главное в том, что в память о моих заслугах как городского раввина обер-бургомистр повелел нам сменить фамилию: теперь мы будем не Марксы, а Рабиновичи! Как теперь тебя будут звать, ингеле?» – обратился раввин к малышу. «Карлуша Рабинович!» – звонко ответил дедов любимец.

Яков Григорьевич сразу понял, что происходит нечто страшное, что с этого момента мировая история полетит кувырком: никогда не поднимутся рабочие на штурм Зимнего, никогда над ними не будут развеваться знамена со словами «Учение Рабиновича бессмертно, потому что оно верно!», большевики не придут к власти под лозунгом «Вперед, под знаменем Рабиновича!», но главное – он, Яков Григорьевич, не станет профессором марксизма-ленинизма, членом редакций многих журналов, а будет уличным сапожником, как его дед и отец. Следовало немедленно что-то предпринять. И Яков Григорьевич решительно проснулся.